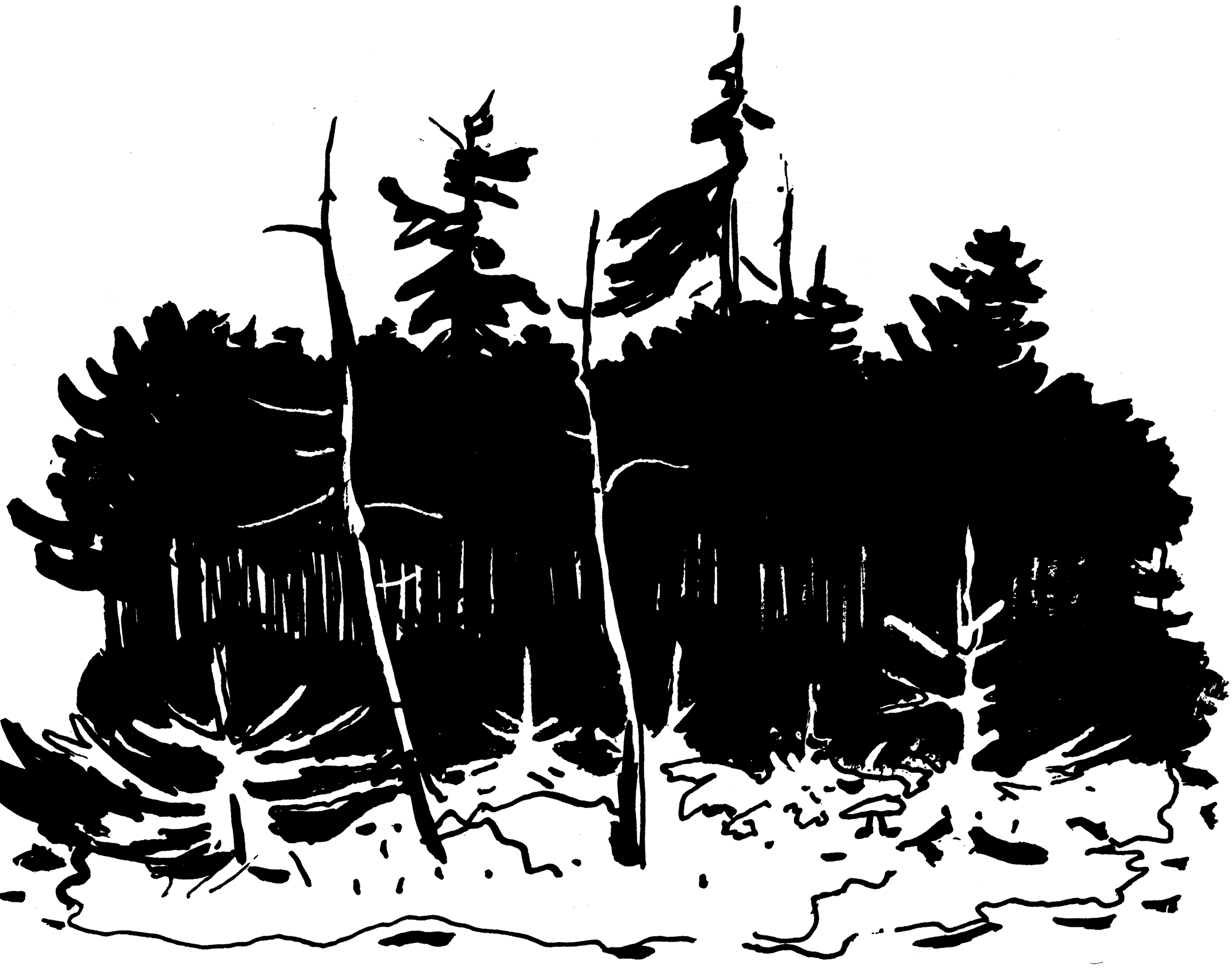
А. ЛЕБЕДЕВ

ЗВЕРИ В ПУТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1967

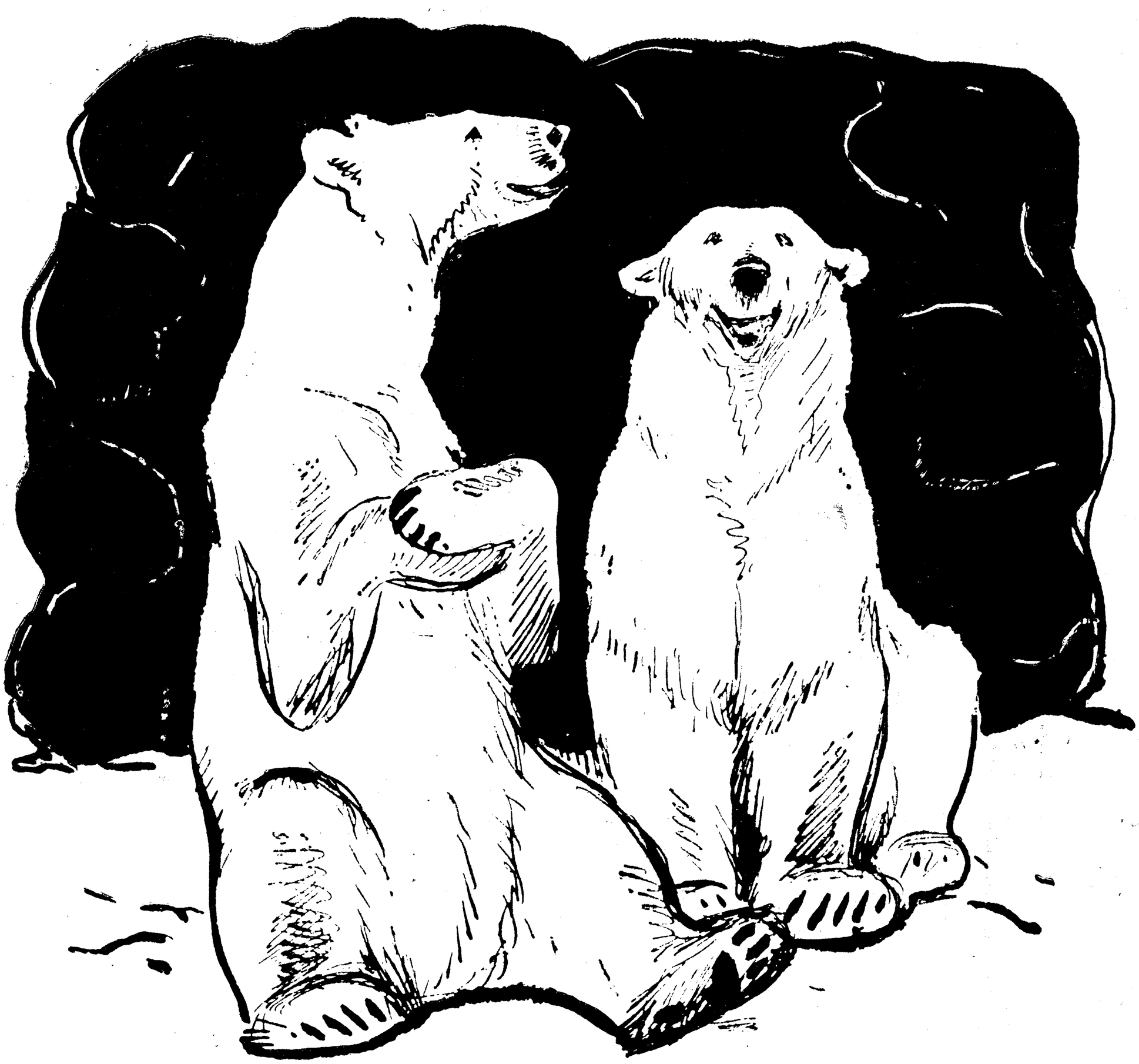


Рисунки В. Белышева

А. ЛЕБЕДЕВ

ЗВЕРИ В ПУТИ

Издательство „МАЛЫШ“
Москва 1967



Слышите, стучат колёса и тепловоз дал сигнал? Бежит, спешит поезд. Но вдруг послышались какие-то необычные звуки—рык, рёв, писк,—приглушённые железнодорожным шумом. Из тайги, из джунглей, из Заполярья едут тигры и белые медведи, страусы и бегемоты. В товарном вагоне под надзором заботливого проводника переезжают они с воли в неволю, в зоопарки, цирки, питомники. А случается, звери путешествуют по железной дороге и с воли на... волю—просто на новое место жительства.

Если хочешь узнать, какие бывают приключения во время таких путешествий, прочитай эту книгу. Автор её несколько лет работал железнодорожным проводником диких животных.

ТИГРИЦА И КРОЛИК

Забайкальск. Кругом сопки, покрытые выжженной травой.

В день моего приезда сюда прибыл вагон со зверями. Два ветеринарных врача в белых халатах внимательно осматривали обитателей лесов. Таможенники в синих форменных костюмах считали, сколько крокодилов и удавов пересекло границу. В отдельных клетках (каждый в своей) — три южнокитайских тигра, три громадных красавца, которых заслуженно называют властителями джунглей.

И вот я уже в пути. Скрылось из виду живописное здание вокзала, опрятные дома посёлка. По обеим сторонам дороги — луга. Среди травы, будто бабочки, жёлтые маки. Впереди, блестя рельсами, протянулся многодневный путь.

Пришло время обеда. Крокодилы и удавы получили традиционный «салат», а тигров я решил побаловать — дал им по живому кролику. Хищники обожают такое угощение и никогда не откладывают его про запас. Вот и сейчас два тигра мгновенно придавили лапами и тут же съели кроликов. Но третья — тигрица — не тронула... Она пошевелила усами и отвернулась от «свалившейся с неба» живой добычи. Потом улеглась. А кролик, оправившись от первого страха, принялся деловито обнюхивать клетку.

«Видно, вопреки правилам, тигрица оказалась запасливой», — подумал я.

Но и наутро кролик остался цел. Он был невредим и на следующее утро.

Дождавшись очередной раздачи мяса, тигрица неторопливо разгрызала заветренные, часто несвежие, куски, а рядом прыгал жирненький мягкий кролик. Удивительно!

Бежали дни. Тигрица не обращала ни малейшего внимания на кролика, который беззаботно прыгал около неё. Она, казалось, его не замечала. Странно было видеть такое: невинная мордочка с длинными ушами и красными бусинками раскосых глаз подле страшной пятнистой морды, желтоглазой, с клыкастой пастью.

Глупый кролик, видно, не понимал смертельной опасности, ежеминутно грозящей ему. Он осмелел и даже, пожалуй, обнаглел.

Помню, в жаркий день я решил напоить тигрицу. Просунул в клетку через кормовой люк ковш с водой. Кролик первым подошёл к ковшу и обнюхал его. Тигрица оскалила зубы и тихо зарычала: «Что, мол, лезешь раньше сроку». Но на этом её недовольство и кончилось. Кролик напился, презрительно фыркнул, будто недовольный, что вода тёплая, обтёр лапками мордочку и только тогда уступил место «хозяйке». А та в это время спокойно ждала своей очереди.

Меня кролик боялся больше, чем тигрицу. Когда я чистил клетку, он забивался в угол и замирал: опасался, что я его вымету вместе с мусором.

В конце концов мне надоела эта канитель. Да и кроликов осталось мало.

— Не хочешь, не ешь,— сказал я тигрице,— съедят другие.

Взял крейцер (длинную кочергу) и, просунув его между прутьями решётки, попытался достать из клетки маленького счастливца.

Но хищница злобно зарычала. И глаза её заблестели таким непримиримым гневом, что мне стало не по себе. Я с досадой вынул крейцер.

Следующую попытку вытащить кролика тигрица встретила взрывом ещё большего негодования. В бешеной злобе судорожно трясущимися лапами она схватила металлический стержень крейцера и принялась его грызть. Потом легла на прут, не выпуская его из лап. Я теперь не то, что кролика, даже крейцер не мог вынуть!

А кролик? Почуяв опасность, он спрятался за спину своей «покровительницы». Получилось невероятное: спасаясь от меня, ушастый искал защиты у кровожадного зверя!

Миновав Улан-Удэ, поезд приближался к Байкалу. Вот оно перед окнами, это великое сибирское озеро-море! Прибрежные сопки покрыты таёжными лесами. Будто застыли зелёные волны и уходят они вдаль, чтобы утонуть в прозрачных холодных водах.

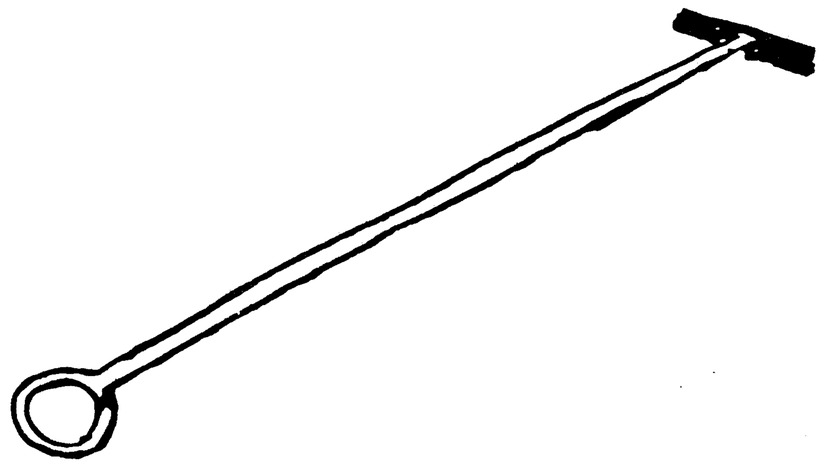
А в вагоне жара.

Тигрица лежит неподвижно и тяжело дышит. Кролик спокойно прыгает около самой её пасти, а то и залезает ей на спину. Вот она, будто дразня кролика, резко дёргает хвостом. Кончик хвоста скользит по полу клетки, словно пробегающая мышь. Наверное, тигрица приглашает ушастого малыша поиграть. Но кролик не обращает на тигриный хвост никакого внимания. Играть, как кошки, он не умеет.

...До Москвы оставалось всего несколько сот километров, когда при утреннем осмотре я не встретил в клетке тигрицы недоверчивого раскосого взгляда. На полу около стенки виднелась беленькая тушка кролика. Он погиб. Как и отчего? Не знаю. Много могло быть причин. Но я уверен, что полосатая хищница к этому непричастна. Когда я попытался извлечь из клетки погибшего, она зарычала, бросилась вперёд и яростно схватила крейцер зубами. Достать кроличью тушку удалось только ночью.

Чем же всё-таки объяснить необыкновенную дружбу?

Думается мне, не случайно именно тигрица, а не тигр, поладила с кроликом. Дал себя знать могучий инстинкт материнства. Наверное, напомнил ей пушистый малыш собственных полосатых котят.



ЛЮДОЕД-ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Когда ты подрастёшь, тебе дадут важный документ — паспорт. Будет это, правда, не скоро — когда тебе исполнится шестнадцать лет. А вот звери-пассажиры получают паспорт без задержки, иногда в возрасте двух-трёх месяцев. И любопытная вещь: паспорт зверя содержит гораздо более подробные сведения, чем паспорт человека. В твоём паспорте никогда не запишут, что ты любишь мороженое и леденцы, а в документе животного указаны его излюбленные лакомства. В твоём паспорте не будет ни слова о цвете твоих волос, а в удостоверении зверя есть особый пункт — масть. И ещё: по человеческому паспорту никто не узнает, что за характер у его владельца, а в паспорте животного такие записи обязательно делают, и довольно подробные.

Как-то сопровождал я тигра, которому предстоял очень далёкий путь. Перелистав паспорт хищника, я узнал немало неприятного. Там было сказано: свиреп, буен, разломал клетку и вырвался на свободу. Характеристика заканчивалась выразительным словом: людоед.

Что ж, моей давней любви к тиграм предстояло пройти серьёзное испытание. Оно началось, как только тронулся поезд.

Тигр действительно был диким и непримиримым. Видно, он совсем недавно попал в неволю. Когда я приблизился к клетке, он яростно бросился на решётку, зарычал, оскалил зубы. На верхней челюсти обнажился обломок клыка.

Где мой подопечный потерял клык? В паспорте об этом не говорилось. «Может быть, разнося клетку? — подумал я.— Может быть, тогда он и стал людоедом?»

Невесёлые предположения.

Вагон, в котором мы ехали, был довольно ветхий и неисправный. В пути его сильно трясло, бросало из стороны в сторону.

На первом же перегоне тряска утомила и разозлила зверя. Я убедился, что он знает, как ломать клетку. Вцепившись зубами и лапами в решётку, он яростно расшатывал её. Движения были уверенны и целеустремлённы. Зверь работал сидя. А я стоял в стороне и раздумывал о прочности железных прутьев.

Пришло время кормить хищника. И тут людоед принялся охотиться на меня.

Я подал ему мясо, а он, вместо того, чтобы схватить пищу, мгновенно, будто лопнувшая пружина, распрямился и, прыгнув, прилип к решётке. Вмиг «распухли» лапы, высунулись крюки-когти. Тигр судорожно шарил по тому месту, где только что была моя рука.

Несколько раз он пробовал поймать меня таким способом. Успеха, к моему счастью, не было. Тогда он изменил способ нападения.

Вот у кормового люка показалась моя рука, державшая, на этот раз, ковш с водой. И в молниеносном прыжке тигр просунул через люк до предела напряжённую когтистую лапу: хотел схватить меня за пределами клетки!

Кормить зверя я уже больше не пытался, ведь сфера его «господства» увеличилась на добрых полметра.

Стемнело. Я зажёг свечу. Теперь тигр принялся искать выход из клетки. Он обнюхивал каждый угол, каждую щель. Пытался грызть зубами доски, царапал когтями потолок. Не найдя лазейки, обозлённый узник вцепился зубами в прут решётки и, глухо рыча, грыз металл. Глаза его светились зловещими зеленоватыми огоньками.

Толчки вагона всё больше возбуждали тигра. Он метался взад и вперёд по своей тюрьме, нанося мощные удары лапами по стенам. Ох, эта тряска! В конце концов она привела беспокойного зверя в неописуемую ярость. Я впервые видел тигра в этом страшном состоянии. Он был как бешеный. А может, и вправду взбесился?!. Нет. Постепенно он уставал. Утомление всё больше овладевало им. И вот уже вместо грозного рыка я услышал жалобное рычание, как бы вздохи.

На одном из перегонов, когда скорость поезда была особенно большой, и казалось, что вагон от качки вот-вот развалится, тигра вырвало. Взгляд его стал мутным, одурманенным. Хоть и мне в те минуты было, пожалуй, не легче,— болела и кружилась голова, всё внутри трепетало и ныло — я с жалостью смотрел на сломленного неволей красавца.

Скоро дикая пляска вагона вытряхнула из бедняги последние остатки сил. Он не мог даже стоять, не мог противиться броскам от одной стенки клетки к другой. И тут произошло нечто замечательное. Обессиленный пленник стал приспосабливаться к непривычной обстановке, бесконечно меняя позы. Он то ложился на бок, то садился, то, лёжа на животе, хватался лапами за решётку, то приподнимался на задних лапах, как бы ища спасения на потолке.

Любопытно, что, несмотря на изнеможение, тигр не отдыхал в короткие минуты стоянок поезда. Более того, во время остановок к нему возвращалось стремление вырваться на волю — новым способом, путём под-

копа. Причём вырыть в полу лазейку он пробовал втайне от меня, когда я уходил на станцию за водой или для безрезультатных разговоров об исправлении вагона.

Помню, возвращаясь в вагон, я услышал усердное царапание. Тихонько подкрался к двери и заглянул внутрь. Тигр уловил моё движение и замер, воровато оглядываясь. Я тоже притих. Убедившись, что всё спокойно, он снова взялся за своё бесполезное дело.

Опять в путь. И опять эта нестерпимая, выматывающая тряска.

Я не мог уснуть третьи сутки. Не помогала даже пышная постель из сена. Ложась на неё, я чувствовал себя ещё хуже, чем на ногах. Порой казалось, будто проваливаешься в пропасть.

Я уже ни о чём не думал, никуда не смотрел, находился в том болезненном полузабытьи, когда мучительное желание спать ежесекундно обостряется невозможностью уснуть по-настоящему.

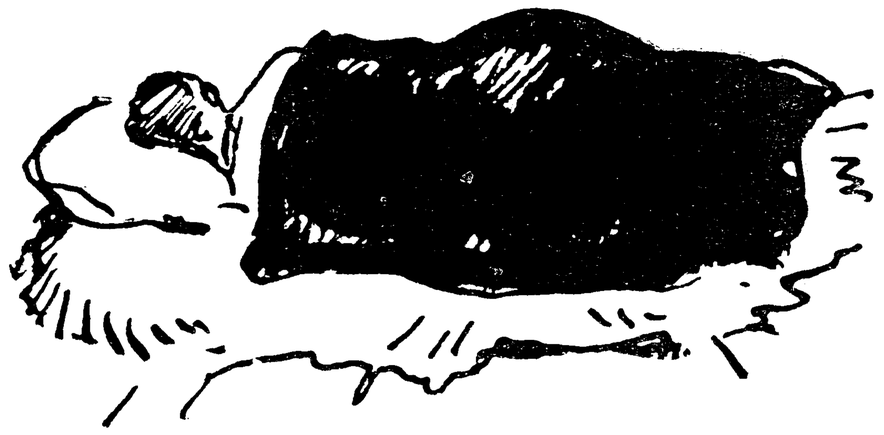
Не знаю, сколько прошло времени. Вдруг я подсознательно почувствовал какую-то перемену обстановки. Напряг внимание, прислушался. Из клетки уже не слышалось жалобных стонов и вздохов измученного тигра.

«Неужели погиб?!» — эта мысль обожгла меня. Я настежь раскрыл дверь вагона и подошёл к клетке. Моё удивление и восторг трудно описать. Тигр был жив и здоров! Он преспокойно спал, ибо нашёл нужную позу. Лёжа на спине и держа кверху лапы, зверь сладко посапывал. Поджатые к груди и брюху расслабленные конечности и откинутая в сторону голова были проникнуты таким блаженством, что я от души расхохотался. Мой людоед, покачиваясь, так удобно переваливался с боку на бок, что это не приносило ему ни боли, ни утомления. Спокойной ночи, дружище!

И тут меня озарило: а что если мне перенять «изобретение»? Скопировать позу я, наверное, не сумею —узкая спина позволяла полосатому переваливаться. Моя же спина широковата. Но ведь можно сделать катающуюся постель!

Сколотил из досок щит, постелил на него сено, а между полом вагона и щитом положил несколько толстых жердей. Чтобы щит не сползал с них, с одной стороны я упёр его в стену, а с другой — в прибитые к полу деревянные бруски.

Улёгся. Сразу почувствовал облегчение. Щит, как на колёсах, катался на круглых жердях. Спасибо тебе, клыкастый, за «подсказку»! Наконец-то и ко мне пришёл долгожданный сон. И, засыпая, я подумал, что в паспорт зверя после слова «людоед» можно, пожалуй, вписать ещё одно: «изобретатель».



ПОЛОСАТЫЙ ПОЖАРНИК

На вытянутых передних лапах поникла голова. Взгляд тосклив, безутешен. Тигр тоскует по свободе. В грохочущем вагоне, заключённый в тесную клетку, подавленный тщетными попытками вырваться на свободу, зверь впал в отчаяние. Страдание переполняет его, и он начинает протяжно и жалобно выть.

Я сбрасываю одеяло и встаю. Надо «поговорить» с тоскующим зверем.

Увидев меня, страдалец умолкает и, как бы стесняясь своей слабости, отворачивается.

В соседней клетке другой тигр. Он тоже невесел, но скучает не так трагически, как первый. И его стоит проведать.

Подхожу. Издав одобряющий звук, зверь приближается к решётке. Без злобы смотрит на меня. Чтобы чем-нибудь развлечь узника, принимаюсь поить его. Он пьёт скорее из «вежливости», чем от жажды.

В вагоне холодновато. Подбрасываю уголь в чугунную печку, зажигаю свечу, чтобы было повеселее.

Ложусь. Надо уснуть.

Просыпаюсь опять от тигриного воя. На этот раз его издаёт второй тигр — «оптимист». В голосе зверя чудится какая-то просьба, звук колеблется, что-то вроде нечленораздельной речи. Новые незнакомые ноты слышатся в этом бормотании.

Что случилось? Нужно проверить.

Опять откидываю одеяло. Опять иду к клетке. Дорогу освещает раскалённая докрасна печь.

Увидев меня, тигр замолкает. Он то стоит на месте, то, шагая влево

и вправо, беспокойно водит головой вдоль решётки. И снова мне кажется, будто он что-то хочет сказать. Зверь явно встревожен.

Недоумение длится несколько секунд, а потом всё выясняется. Я слышу сзади шипенье, треск, оборачиваюсь и вижу... пожар!

Да, пожар!

Горящая свеча, стоявшая на выступе деревянной стены, растаяла, конец фитиля зажёг расплавленный парафин, а от него загорелась стенка вагона!

Ругаю себя: как это я сразу не почувствовал резкого запаха горелой краски, не увидел языков пламени, лизавших потолок! Видно, спросонок! Не проснись я ещё несколько минут, и погасить пожар уже не смог бы. Как удачно, что тигра встревожила полыхающая стена, как хорошо, что он поднял тревогу!

Быстро залив пожар, я взглянул на зверя. Он встретил мой взгляд, но тут же отвернулся.

Мысленно поблагодарив своего спасителя, я в третий раз за эту тревожную ночь ложусь на свою постель из сена.

Но заснуть теперь не могу. Кто научил этого бесстрашного зверя видеть в огне опасность? Если это инстинкт, то почему же тигр не реагировал на свечу, на пламя в печи?

Думаю я и о другом: ведь не унылый «пессимист» оказался «сообразительным», а более «весёлый» зверь. Пожалуй, и в их мире полезней «оптимистический» характер.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Мчится скорый поезд. Колёса багажного вагона ведут монотонный разговор: «так-так?» — спрашивают впереди, «так-так!» — отвечают сзади. Я стою и смотрю на забинтованную обезьянку, которая неподвижно лежит на полу. На бинтах пятна крови. Опухшие веки прикрыты, щёлочки глаз безразлично упёрлись в одну точку.

Сородичи пострадавшей, будто понимая её несчастье, прекратили возню и растерянно смотрят на раненую. Притихли даже матёрые самцы, былые вожаки обезьяньих стай. А как хорошо всё началось!

Игривые и крикливые обезьяны только что прибыли из-за границы. До чего презабавные выражения были на мордочках этой публики! Гримасничая, они показывались то в одном, то в другом конце клетки и с любопытством глядели по сторонам. В каждом домике — четыре зверька. Тесновато. Но драк нет.

Четвероруких пассажиров только что выгрузили на платформу, а вездесущие станционные ребятишки уже тут как тут. Они в восторге от обезьяньих проказ. А моя просьба помочь накормить путешественников встречается криками ликования.

Я и три мальчугана раздаём обезьянам лакомства и фрукты. Хитрые зверьки оживляются пуще прежнего, поднимают разноголосый крик. Каждый требует, чтобы его угостили в первую очередь. Особенно нетерпеливые просовывают наружу руки и бесцеремонно выхватывают еду. Иные, не успев насытиться, старательно наполняют свои кладовые — набивают про запас защёчные мешки.

— Жадность — большой порок,— назидательно говорю я.— Ну, на что похожи ваши физиономии!

Обезьяны, конечно, не обращают внимания на мои нравоучения. А ребята-помощники хохочут.

Угощение продолжается. Раздаём подсолнухи. Грызть семечки — любимое занятие обезьян. Шелуха из набитых ртов полетела, как мякина из веялок.

На третье блюдо — чай с конфетами. Гримасницы ловко развёртывают пальцами обёртки, суют сласти в рот. Вытянув губы, прихлёбывают ароматный напиток из банок. Помощникам моим тоже достаётся по паре конфет.

— Ну, добровольцы,— говорю я ребятам,— теперь за уборку. Чистить клетки! Только, чур, не открывать дверей и стенок клеток — шиберов!

Тут-то и случилась беда.

Один из мальчиков, не сумев вытянуть выдвижное донце, вопреки моему запрету, приоткрыл шибер. И в мгновение ока ловкая обезьянка выскочила из клетки, выпрыгнула прочь из вагона и пустилась бежать.

Я растерялся: поймаю ли?

Бросаюсь в погоню. Шансов на поимку почти нет. Понимая это, несусь, едва касаясь ногами земли. И всё-таки теряю обезьяну из виду. Подбегаю к тому месту, где пропала беглянка. Вот дом. На пороге девушка. Я к ней:

— Обезьяну не видели?

Она, ничего не понимая, дрожащей рукой указывает на окно:

— Кто-то прыгнул!

Ага! Видно, в тёмном окне обезьяна решила спрятаться как в дупле дерева.

Врываюсь в дом. В комнате беспорядок: на полу одеяло, сваленный стул, у окна разбитый цветочный горшок. На гардеробе, угрожающе выгнув спину,— кошка. Наверняка её испугала обезьяна!

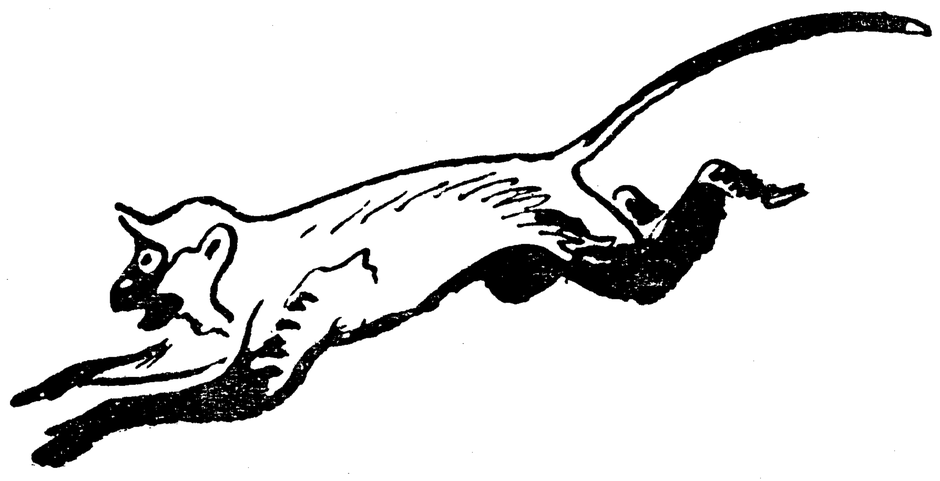
Закрываю окно и учиняю обыск. Второпях заглядываю чуть ли не в щели. Вдруг из-под кровати, около моих ног, шмыгнула обезьяна. Прыгнула вверх и... врезалась в закрытое окно! Хрустящий звон разбиваемого стекла, вопль боли и ужаса...

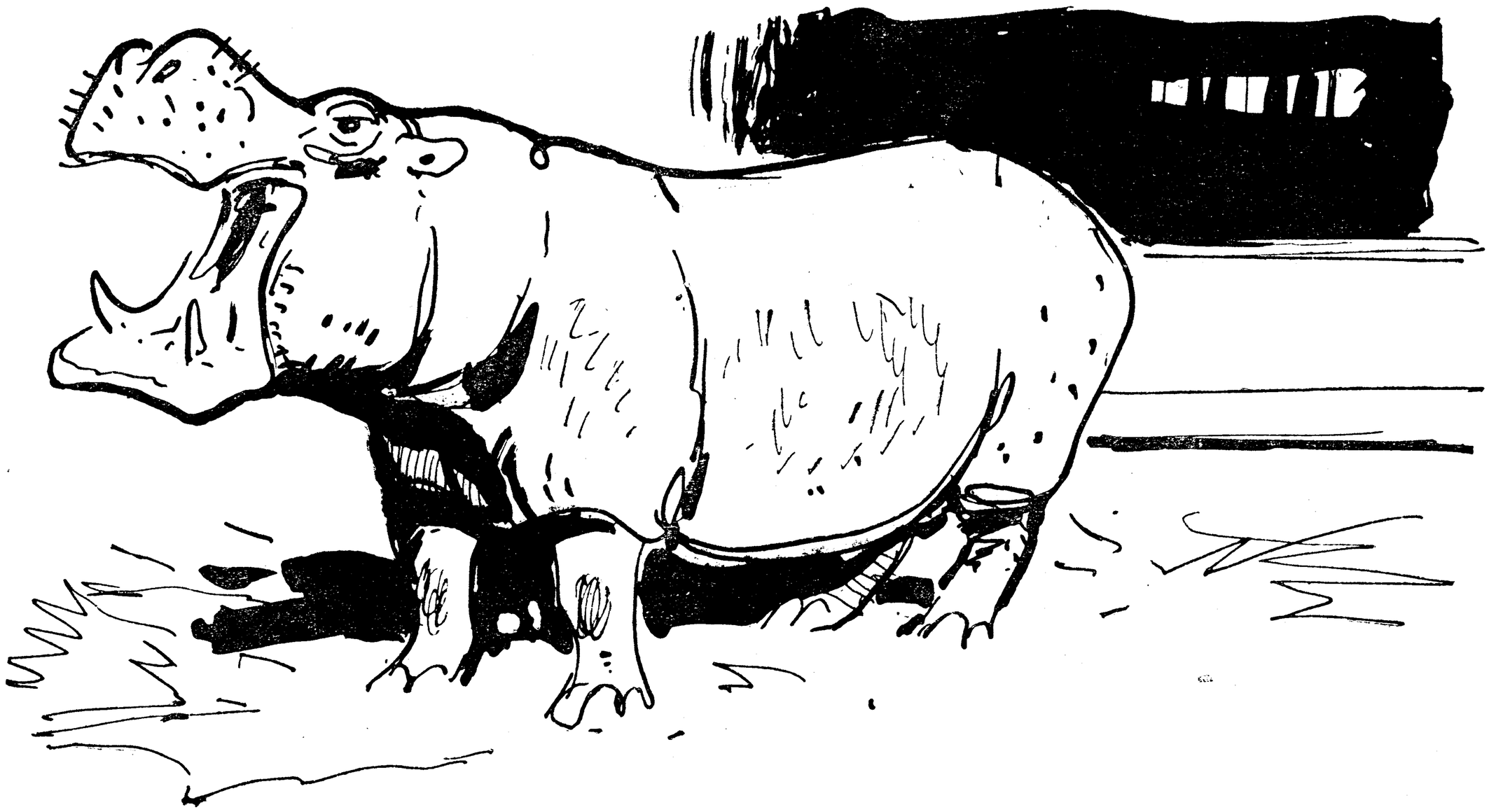
Я бросился к зверьку, застрявшему между острыми клинками стекла. Обезьяна рванулась и вместе с прозрачными ножами упала на подоконник. На голове, шее, груди — глубокие раны...

Вбежала хозяйка и оцепенела. Чуть не плача, я прошу у неё бинт и вату. Вместе промываем раны, перевязываем...

И вот опять стучат колёса. Передо мной — кровоточащее, бессильное, перебинтованное тельце. А там, на станции, белоголовый виновник побега трёт глаза кулаками.

Жаль, до слёз жаль маленькую беглянку. Захотелось ей на волю — и бросилась, понеслась. Но, глупая, разве убежишь, когда кругом всё чужое, когда до родных джунглей — тысячи километров!..





КОЧАН КАПУСТЫ

Летом 1956 года я вёз в Москву африканских страусов и бегемота. Поездка началась на пограничной станции Чоп, где и состоялась перегрузка животных из чехословацкого вагона в наш. Много хлопот доставил грузчикам бегемот. Хотя в документе он именовался «карликовым», но весил около тонны, а с клеткой — и того больше. Страусов перенесли на руках и пустили в отгороженную часть вагона. К стенкам прибили кормушки, пол засыпали опилками. Люки из-за жаркой погоды решили не закрывать.

Со станции двинулись ночью.

Встал я рано утром и, готовя завтрак своим подопечным, любовался красотами Карпатских гор.

Железная дорога чуть ли не до перевала петляет по долине реки Уж, уходит в тоннели, пробивается по горным склонам, мостам, повисает над пропастями. Куда ни посмотришь — обилие зелени. Старые, разрушенные временем горы покрыты лесами.

Взошло солнце. А в вагоне — сонное царство. Бегемот блаженно спит на боку. Страусы тоже ещё не думают просыпаться. Те, что помоложе, опустили головы на пол, а взрослые — на перекладину перегородки. Покачиваясь на поджатых ногах, они напоминают плывущих лебедей.

Лишь один страус вёл себя беспокойно, то и дело вздрагивал, переступая с ноги на ногу. Я пригляделся — переднюю часть его шеи рассекала свежая рана.

Достигнув перевала, поезд начал спуск. Два паровоза с трудом удерживали напиравшие сзади вагоны. Пронзительный скрежет и едкий дым от колёс, трущихся о тормозные колодки, разбудили моих пассажиров.

Птицы стали беспокойно ходить, задерживаясь около окон.

Привстал на свои короткие толстые ножки и бегемот. Поворачивая голову, потоптался на месте и опять лёг.

Наконец спуск окончен. Впереди — просторы Западной Украины. Из вагона часто можно было видеть аистов. Они спокойно разгуливали по заливным лугам и что-то искали в густой траве. Казалось, мои страусы с завистью глядят на своих свободных северных родичей.

Бодрствующий бегемот выглядит почти таким же сонным, как спящий. Он часами неподвижно лежит и лишь изредка поднимается, озирается по сторонам и прислушивается. Только голод заставляет его расшевелиться.

Я подхожу к клетке. Бегемот раскрывает свою чемоданоподобную пасть с крупными изогнутыми зубами и замирает в этой живописной позе. Кидаю в зубастый чемодан еду, и тот захлопывается. Следует громкое, смачное чавканье. Проглотив два-три ведра корма, зверь укладывается на бок и снова впадает в дремоту.

Бегемоты — жители воды. Перевозить их без влаги нельзя: кожа пересохнет, и животное заболеет. Поэтому я делаю своему пациенту оздоровительные поливки. При таких процедурах он блаженно фыркает и поворачивается. Мы даже «играем» с ним: я неожиданно появляюсь перед ним с ведром, и он добродушно и доверчиво переваливается на спину. Словом, с бегемотом всё обстоит хорошо.

Но меня беспокоит страус со свежей раной.

Здоровые птицы нашли для себя увлекательное занятие: ловят мух, летающих кругом. А больной забился в глухой угол и неподвижно стоит, опустив голову.

Страдания страуса усугубляют его же сородичи. Мухи облепили рану больного, а страусы хватают крылатых нахалок прямо со вспухшей раны, ущипнув воспалённый край. Каждый раз больной подпрыгивает как ужаленный и отбегает в сторону. Но охота продолжается.

Как облегчить страдания страуса? Я перевязал бинтом его шею. Но повязка сползла. Затянуть бинт туже нельзя — страус не сможет глотать. Посадил больного в отдельную клетку. Он принялся отчаянно барахтаться, и от карантина пришлось отказаться.

В конце концов выход нашёлся: я намазал рану толстым слоем сильно пахнущей мази. Мухи отстали, а с ними и жестокие охотники.

Больной страус плохо ел. Я решил кормить его насильно. Очищал крутое яйцо, смачивал в воде и проталкивал в желудок птицы. Не такая уж сложная работа.

Здоровых страусов кормить было более хлопотно.

Неразборчивые и прожорливые, они принимали мои уши за листы капусты, а нос, видимо, за морковину. Во всяком случае, как только я влезал в их вольеру, птицы начинали меня нещадно щипать. Рывком хватали за нос или ухо и, растянув как резинку, резко отпускали. Лицо жгло, будто ошпаренное кипятком, из глаз лились слёзы. Защищаться же я не мог — были заняты руки.

Однажды, готовя корм, я рубил капусту. Случайно тугой кочан выскочил из рук и откатился к страусам. И вдруг, несмотря на то, что

в кормушках была еда, один из взрослых страусов подскочил к кочану и проглотил его целиком.

Я остолбенел.

Кочан миновал глотку птицы и медленно продвигался по пищеводу, раздувая шею. Страус топтался на месте и дугой изгибал шею, но кочан продвигался всё медленнее и, наконец, остановился, зажав дыхательное горло. Что делать? Ведь страус сейчас задохнётся!

Он упал на бок и начал биться. Другие птицы почуяли недоброе и, ломая перья, носились по вольере. Предсмертная агония нарастала. Голова с закрытыми глазами металась из стороны в сторону, ноги били по воздуху, крылья беспомощно хлопали.

Такая смерть — моя вина! Надо срочно что-то предпринять!

Я подскочил к пострадавшему и, схватив за шею, нащупал вздутие. Сжав горло обеими руками пониже кочана, стал проталкивать его к голове. Крыло било по лицу, шея вырывалась из рук. Но я прижал шею к полу, выдавил кочан и быстро отскочил в сторону, получив за услугу от пострадавшего сильный удар в бедро.

Отдышавшись, страус вскочил на ноги и долго торопливо шагал, тревожно озираясь по сторонам.

А спустя полчаса он уже опять вожделенно поглядывал на кочан, который я позабыл убрать из вольеры. До чего же глупая птица!

Флегматичный добряк-бегемот мне куда милее.

ПОЗДНИЙ БУНТ

Беловежская пуща. Ветви деревьев качаются по сторонам дороги. Они словно прощаются с зубром, которого грузовик увозит на станцию.

Бык не понимает, что этих мест он больше не увидит. А ведь здесь он родился, девять раз встречал на воле весну. Было радостно, когда весёлыми потоками убегал в речки снег, а поверх жёсткой, невкусной травы разрасталась молодая, зелёная, сочная. Соскучившись за долгую зиму, зубр жадно щипал её на припёках... Потом и голый лес обрастал листвой. Еды становилось вволю.

Но, как ни хороша лесная еда, она была не такая вкусная, как та, которую привозили люди и оставляли на поляне в кормушке.

Вот и сегодня возле привычного «обеденного» места бык почуял приятный запах. Оглянулся — корытце кормушки пусто. Но рядом возвышается большая клетка. Широкий вход, на полу — другая кормушка. Она переполнена снедью! В ней свёкла, отруби, жмых, овёс и лучшее лакомство — соль.

Соблазн поборол осторожность — рогатый вошёл в клетку. Увлёкшись едой, не заметил, как сзади опустился щит. Пленили зубра!

А он как будто и не опечалился — наелся, полизал кусок соли, попил из таза и прилёг отдохнуть.

Рабочие выскочили из укрытия, спешно погрузили клетку на подъехавшую автомашину. И опять зубр почему-то ни капельки не нервничал.

Дорога до станции, перегрузка в вагон тоже прошли мирно. Сытый бык вёл себя, как в родном лесу. Развалясь на подстилке, лениво жевал.

Клетку установили посредине вагона. Чтобы не упала, прибили с полу гвоздями, с боков укрепили подпорками. Готово. Можно отправляться.

К вечеру вагон отбыл со станции. Но и поднявшийся стук колёс не нарушил удивительного спокойствия зубра. Даже пронзительные гудки встречных поездов не тревожили его. Он то лежал, привалившись к стене, то вставал и, лениво стегая хвостом, сгонял надоедливых мух. Ночью во время сильной тряски бык поднимался и, не прекращая жвачки, терпеливо ожидал покоя.

Я недоумевал: почему он такой безобидный? Уж не болен ли?

Как только рассвело, я поставил в клетку корыто с кормом. И тут неожиданно началось! Зубр опустил голову, покосился, потянул носом воздух, дунул ноздрями. Коснулся края кормушки — и вдруг резко отпрянул, будто обжёгся! Может, вспомнил, как его в лесу обманули?

Нервно ударил корыто ногой — корм рассыпался. Рванул к себе кормушку — она больно стукнула быка по ноге.

Боль до конца разбудила дремавшее чувство свободы... Мощный толчок в лицевую стенку клетки. Снова удар — ещё большей силы. Доски насквозь пробиты рогами. Пятнадцать сантиметров толщины, будто бумажный лист.

«Наконец-то проснулась дикая сила! — подумал я.— А то не бык, а музейное чучело».

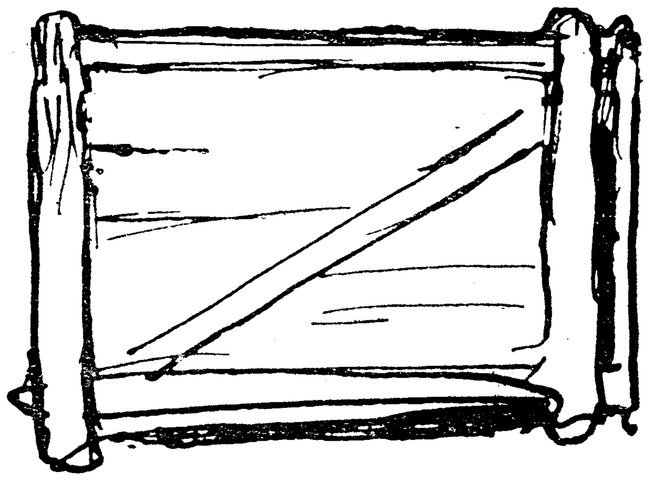
Не добившись успеха в лобовой атаке, зубр принялся куда попало бить копытами. Пустил в ход голову и круп. От потолка клетки полетели доски, угрожающе разошлись добротные столярные швы.

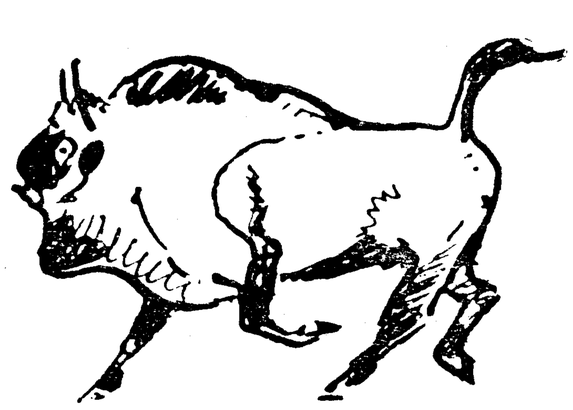
Я испугался не на шутку. Если бык разобьёт клетку — не спастись. Прыгать на ходу из вагона — самоубийство, остаться — посадит на рога!

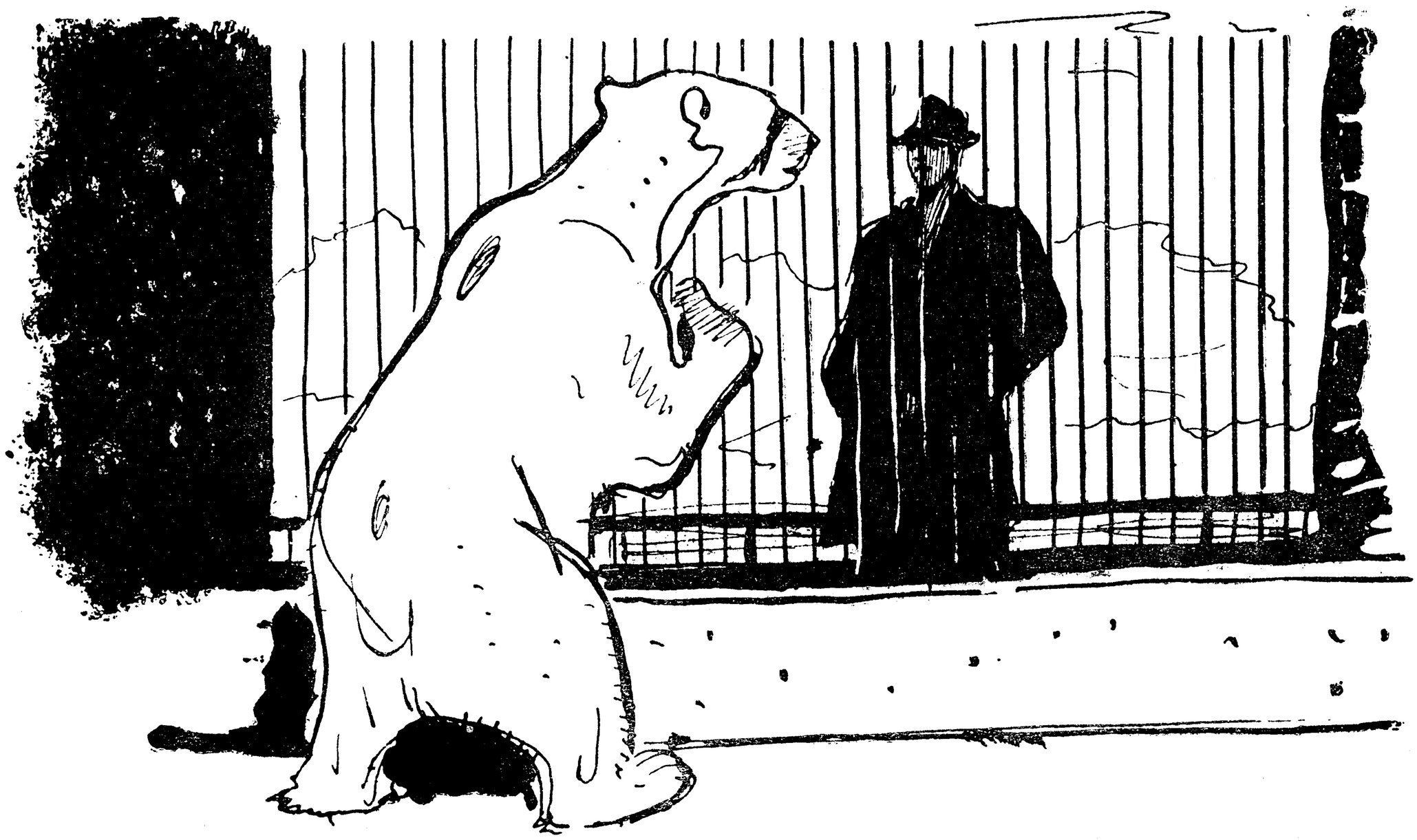
А взбесившееся могучее животное всё сильнее расшатывало клетку. Задняя стенка от града ударов отошла. Я прыгал вокруг ломающейся клетки и забивал гвозди. Но пока я укреплял одну доску, зубр успевал увеличить просвет в остальных.

До сих пор меня пронизывает дрожь при мысли о том, чем бы кончилось буйство быка, если бы оно продлилось ещё минут двадцать. Но этого не случилось. Разрядка была быстрой и неожиданной. Вдруг зубр обессилел. Обмяк и грузно опустился на пол. Он часто дышал, глаза пылали кровью, от взмокшего тела шёл пар.

Моё настроение изменилось. Минуту назад мечтавший избавиться от опасного спутника, я вдруг почувствовал к нему жалость и сочувствие. Теперь в полуразрушенной клетке лежал не пассивный лакомка, а честный боец. За свободу он дал отчаянный, хотя и поздний бой.







ЦЕНА ДРУЖБЫ

Есть у меня слабость: иногда навещать в зоопарках бывших пассажиров. И бывает, встречи получаются любопытные.

Новосибирск. Вечером уезжаю, а сейчас, в свободное время, иду в зосад посмотреть на «своих» медведей.

Вот и бассейн. Но что это? Вокруг необычно много зрителей. Подхожу и вижу, что около решётки работница в синем халате что есть силы тянет к себе крейцер. За решёткой же на него навалился белый медведь. Одной лапой он давит на стержень, а другой прижимает кость. И глухо ревёт.

Устав от борьбы, работница выпускает ручку. А медведю того и надо. С грозным видом победителя он затаскивает инструмент подальше от решётки и бултыхается в воду.

Словоохотливые зрители рассказывают: работница убирала пол, а медведь набросился на крейцер и вырвал его из рук.

«Вон оно что! — думаю я.— Неужели этот грубиян — мой Айсберг?»

Позабыв получить разрешение, перелезаю через барьер и направляюсь к ограде, окружившей бассейн.

— Что вы делаете! Они очень злые! — слышу испуганный окрик работницы.

Пришлось извиниться, показать своё удостоверение...

...Прошло меньше года, а медвежата неузнаваемо выросли! Вспомнят ли? Произношу несколько раз клички, стараюсь придать голосу прежний оттенок ласки и сочувствия.

Буянивший медведь поднимает голову над водой и прислушивается. Маленькие недовольные глазки подёрнулись тревогой. Он будто что-то вспоминает.

Снова зову: «Айсберг!.. Льдинка!..»

Льдинка не обращает внимания. А Айсберг, повернувшись ко мне, быстро подплывает к краю бассейна, вскарабкивается и, увидя меня, замирает. Он вслушивается в голос, изучает моё лицо... Срок разлуки не мал, сколько лиц прошло перед ним!

Отряхнувшись, косолапый пловец приближается. Он не спешит, будто тянет время, чтобы вспомнить былое.

Наконец у решётки!

— Какой ты, мишка, стал большой! — говорю ему.

Медведь пробует просунуть ко мне голову — частые прутья мешают. Он протискивает морду с чёрным носом. Это ему не нравится. Тогда он встаёт на задние лапы, передними хватается за преграду.

— Ого, ростом с меня, а тебе ведь нет и двух лет!

Из рук угощаю его пирожками. Айсберг осторожно берёт пирожок, аппетитно ест. От неудобной позы топчется на месте.

Работница удивлённо смотрит на меня:

— Скоро год за ними хожу только я, но признаков дружбы нет. Чем вы их приворожили? Расскажите.

И я рассказал.

Около года назад медвежат малышами отняли от матерей. Из родных северных широт вывез их самолёт полярной авиации, и после карантина белошёрстным сиротам дали направление в Новосибирский зоосад.

В жаркий июльский день малышей с другими зверями поместили в вагон.

Жара, теснота и тряска изнуряли бедняг. Им бы бездонные полыньи со студёной водой да вой леденящего ветра! Гулять бы с медведицами по ледяным полям, по торосам, барахтаться в сухом колком снегу! А они в жаре, в душных клетках...

Сначала медвежата надрывно кричали, царапали пол когтями. Но скоро устали от бесполезного буйства и всю злобу за плен перенесли на меня.

Если я чистил клетку, то один из них хватался за крейцер зубами, а передними лапами упирался в решётку. Борьба напоминала перетягивание каната. Упорство забияки было настолько ощутимо, что я частенько вынужден был уступать. Никак не хотели медвежата отдавать и миски, из которых ели,— загоняли их к задней стенке, садились на них. И всегда норовили цапнуть меня лапой.

К середине второго дня пути звери вконец измучились. Их уже не интересовал даже я — их тюремщик. Лежали с высунутыми наружу носами и часто-часто дышали. И в конце концов дело кончилось настоящей болезнью.

Один из медвежат, которого я прозвал Айсбергом, впал в полную апатию. Перестал есть. Подолгу неподвижно лежал на полу, вздрагивал. Еле дышал. Из-за опухших гноящихся век безразлично глядели мутные глазки.

Медвежонок настолько ослаб, что я решил вынуть его из клетки и положить возле двери, где воздух был посвежее. Но Айсберг таял на глазах, будто оправдывая своё имя.

Льдинка тем временем оправилась от жары, оживилась, аппетит у неё стал хороший, и я, успокоившись за неё, больше привязался к её больному собрату. Размешивал в молоке лекарство, осторожно вливал его в горячую зубастую пасть. Он вяло глотал. Мало-помалу здоровье возвращалось. Я ласкал зверя, старался малыша чем-нибудь развлечь: разговаривал с ним или нежно приглаживал шерсть.

Так прошло несколько дней. И лечение подействовало. Медвежонок стал аппетитно уплетать кусочки мяса, сухари с рыбьим жиром. Пропала опухоль в глазах. Медвежонок сильнел. Для меня это было праздником. Пора было ради безопасности снова поместить выздоравливающего в клетку.

И как ни странно, Айсберг спокойно перенёс пересадку — не старался меня укусить, не вырывался.

Словом, после выздоровления со зверем случилась чудесная перемена: он перестал меня ненавидеть. Мало того, теперь моё приближение он встречал сдержанным вниманием.

При уборке сторонился, как бы помогая мне чистить клетку. Охотно отзывался на свою кличку, и всякий раз, когда я звал его, поворачивал голову и подходил к решётке. Дружелюбие было особенно заметно по сравнению с поведением Льдинки: она по-прежнему люто ненавидела меня.

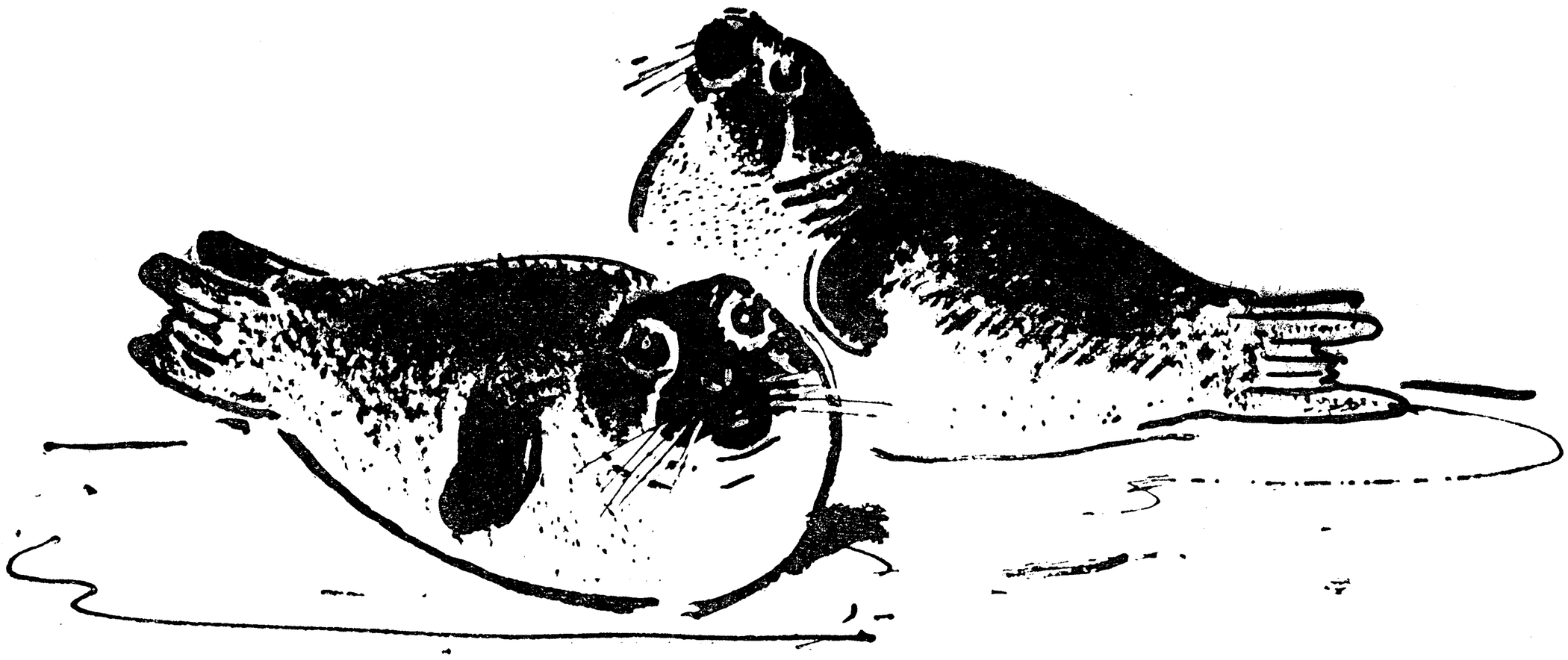
Да, зверь будто понял, что я ему не враг...

Всё это я и рассказал работнице Новосибирского зоопарка.

— А сколько дней вы с ними ехали? — спросила она.

— Восемь,— ответил я.

Она улыбнулась. Видно, не поверила.



СОЛНЦЕ И НЕРПЯТА

Взревели моторы, и грузовой самолёт, разогнавшись, оторвался от взлётной дорожки. Две молодые нерпы беспокойно заёрзали в ящике. Светлые пуговки глаз озабоченно посмотрели по сторонам, уши осторожно слушали рокот двигателей. Как всё непривычно! Но ничего, после того, как самолёт набрал высоту, успокоились мои ластоногие.

Стало холодно. Я озяб. Иду к пилотам.

— Как маленькие тюлени? — интересуется бортмеханик. — Кстати, когда их поймали, где?

— Ещё два дня назад плескались в студёном Байкале,— говорю я,— а сейчас, видать, замёрзли.

— Печка наша работает, пусть погреются, — предлагает бортмеханик.

Я снова у нерпят. Тёплый воздух сильным потоком хлещет из трубы в стенке кабины. Малыши довольны. Опустили головы и задремали.

— Греет? — проверяет вошедший механик.

— Ещё как! Спасибо!

Бортмеханик приглашает меня в кабину:

— Полюбуйтесь рассветом, на всю жизнь запомните.

Уютно в пилотской кабине. В большое окно видно, как справа, в чёрной глубине, светятся звёзды. Слева мелкие звёздочки уже пропали. Там наступает утро. Простор бесконечный. На востоке он золотится снопами солнечного света, рвущимися откуда-то снизу. Хорошо! Но на душе у меня неспокойно. Надо проведать нерпят.

Не зря я тревожился. В грузовом отсеке воздух слишком нагрелся. Из трубы бьёт уже не ласковый тёплый поток, а знойный суховей. Горячий ветер обдувает ящик и жаркими струями вливается к животным. Малыши отползли подальше от трубы и тщетно ищут укрытия. Серебристая шерсть высохла и побледнела, глаза потускнели.

Распахиваю дверь кабины и громко кричу, чтобы выключили нагревательный прибор.

Теперь поскорее облить пострадавших водой. Но где её взять столько? И разрешат ли мне устраивать в самолёте купание?

Бегу к командиру корабля. Так и так. Тот хватает большущий чайник и торопится к тюленям:

— Разреши, я их сам полью. Уж больно славные!

Наклонив носик чайника, пилот старательно рисует восьмёрки на спинах нерпят. Второй чайник опоражнивает бортмеханик.

Ящик сколочен добротно. На металлический пол самолёта вода не просачивается. Нерпята брюшками оказались в воде. Глаза их повеселели, захлопали ласты. А после третьего чайника принялись мои байкальцы резвиться. То переворачиваются на спину, то ложатся на бок и даже пробуют плыть!

Убедившись, что нерпята невредимы, я усаживаюсь на откидное сиденье и заглядываю в окно.

Обидно! Начала восхода я и не увидел. Громадный ясно-золотой диск уже поднялся над горизонтом и теперь освобождается от розовой мглы, неудержимо вторгаясь в голубое небо.

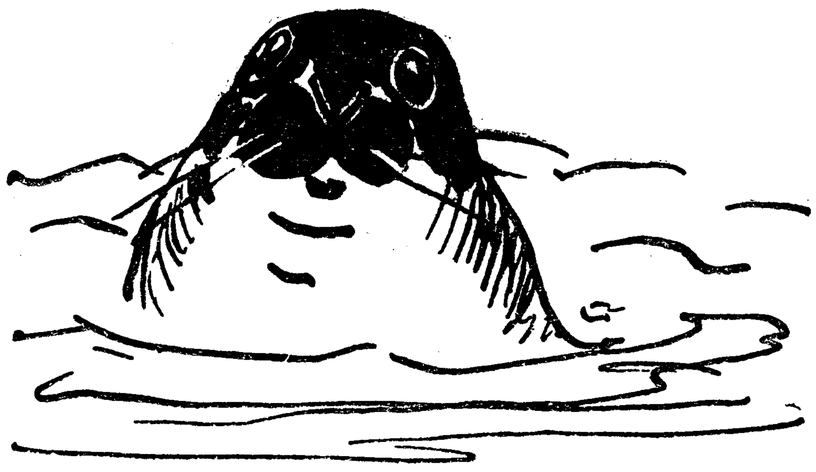
Ранние лучи проскальзывают в кабину. Но пока они только светят, тепла не несут. В отсеке же воздух быстро остыл.

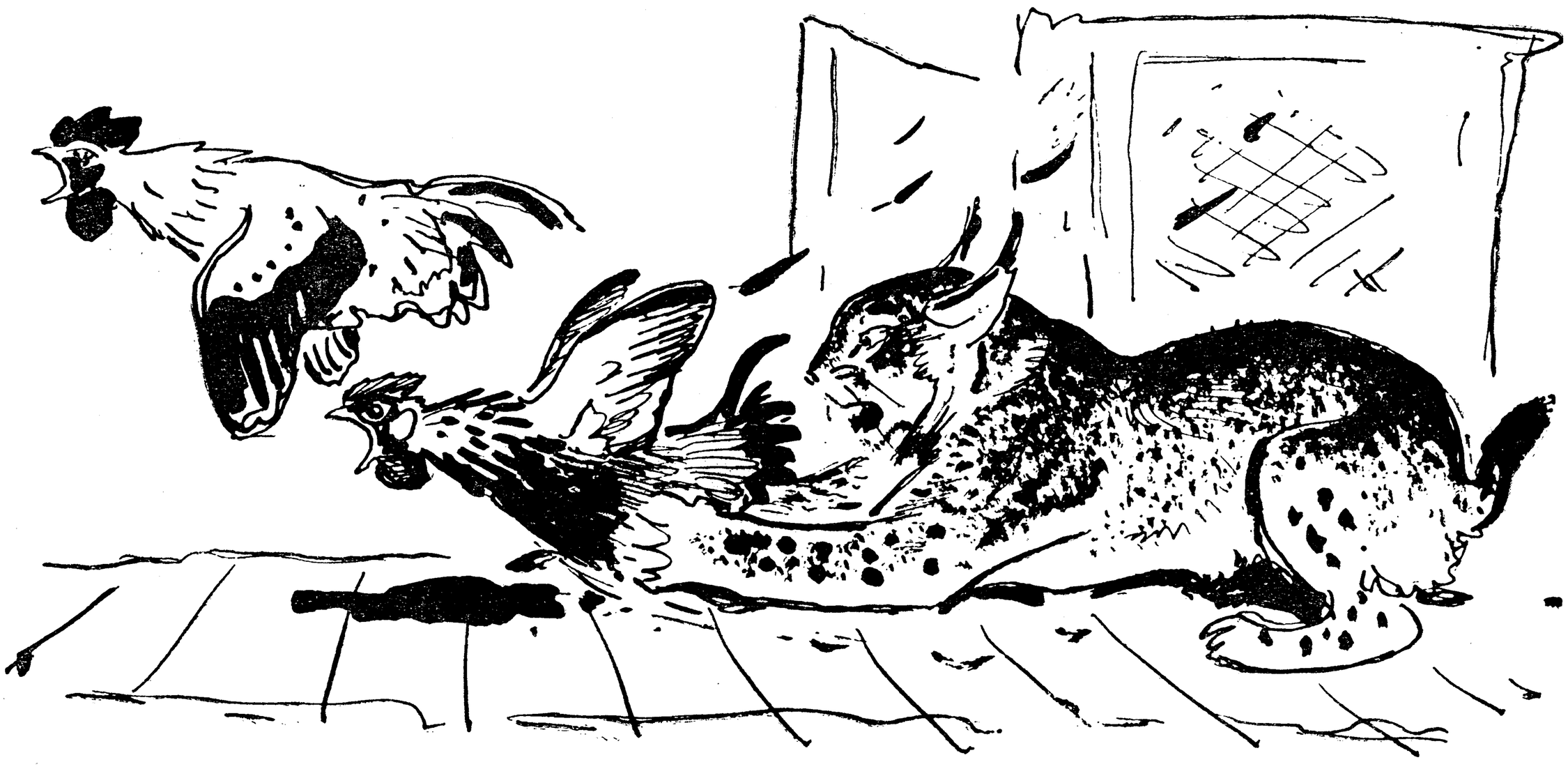
А солнце всё выше. Вот уже бьёт в окна теплом. Лучи пятнами ложатся на мешки, пакеты, контейнеры.

Забралось солнечное пятно и в ящик с нерпятами. Пригрело одного из тюленей. Он двигается вправо — туда, где солнце. Но самолёт меняет направление, и тёплое пятно ползёт к середине ящика. Почуяв холодок, тюленёнок ползёт к солнышку, но безуспешно. Яркое пятно теперь переехало на второго нерпёнка. Он боком пятится поближе к лучам. И вот мои искатели солнца презабавно сталкиваются.

А солнышко будто поняло, что хотят от него ластоногие. Растянулось лучистое пятно, тепла теперь хватает на обоих. Нежатся мои малыши. Волнения ночи забыты. Опустив головы, спокойно и безмятежно засыпают.

Прелюбопытные всё-таки звери. Родятся на льду, не замерзают в лютые морозы, а как чутко ощущают смену температуры, как тянутся к солнышку!





ОЗОРНАЯ РЫСЬ

На этот раз я везу пёструю компанию: тигры, обезьяны, аисты, фазаны, виверры, леопард, мунджак и рысь. Всяк из них по-своему хорош, но мне больше всех нравится рысь. Изящная, ловкая молодая кошка с гладкой, золотистого оттенка, шерстью.

Наше первое знакомство произошло сразу же после прибытия вагона из Китая.

В то утро я умывался над тазом, стоявшим недалеко от рыси. Вымыл руки и, зажмурив глаза, принялся намыливать лицо. А потом поднял взгляд на рысь и увидел неожиданную картину: моя кошка старательно водила по своей морде лапой. Она подражала мне!

После «умывания» озорница принялась шершавым языком прихорашивать бока. Потом её внимание привлекла деревянная решётка, положенная в клетке ради удобства уборки.

Вот рысь свернулась в клубок, прижалась к стенке, встала на задние лапы, ловко подняла решётку передними и бросила её вверх. Это упражнение было повторено несколько раз. Затем трюк усложнился. Подбросив решётку, рысь стремглав бросается вперёд, спеша проскользнуть под падающей решёткой в другой конец клетки. Снова многократные повторения. И «работа» идёт в таком быстром темпе, что трудно разглядеть все подробности замысловатых стремительных движений этой живой пружины. Интересно!

Рыси было явно приятно, что я за ней наблюдаю. В знак благодарности она тёрлась о прутья и ласково урчала. Я, правда, поначалу опасался до неё дотрагиваться. Кто знает, что взбредёт ей в голову? Цапнет ещё

за руку. Но её настойчивое желание поиграть со мной одержало верх. В конце концов я стал участником её игр.

Расхрабрившись, просовываю сквозь решётку руку и чешу рысь за ухом. В ответ — благодушное мурлыканье. Осторожно хватаю нижнюю челюсть зверя, ласково треплю голову. Большие кошачьи глаза щурятся, томно вытягивается шея. А когда я отхожу, рысь подёргивает ухом, будто напоминая, что ей нравится развлечение, и просяще смотрит мне в лицо.

Три дня пути пролетели незаметно. Рысь не давала мне скучать. Но после того, как на одной из стоянок я погрузил новый запас живого корма для хищников — сотню молодых петушков,— произошло неприятное событие.

Я бросил своей любимице петуха, которого перед этим оглушил. Но, попав в кошачьи лапы, он неожиданно пришёл в себя, вырвался и принялся бегать по клетке.

Рысь тут же выдумала новую забаву: принялась выщипывать у петуха перья. Я решил проучить коварную кошку — отнять у неё несчастного петуха.

Поднял топором заднюю стенку клетки, просунул руку и попытался достать изуродованную птицу. Не тут-то было! Петух в ужасе метнулся в сторону. Увлёкшись ловлей, я ещё выше поднял шибер. Но тут петух изловчился и нырнул в образовавшееся отверстие. Следом за ним бросилась рысь и оказалась на свободе!

Петух подскочил к открытой двери вагона и, хотя поезд мчался полным ходом, без колебаний выпрыгнул наружу. Рысь прыгнула было за ним, но я успел кинуться, буквально упасть и вытянутыми вперёд руками схватить её за задние лапы. Хищница обернулась, её глаза впервые за всю дорогу сверкнули гневом. Я же, не дав зверю опомниться, рванул её назад. Тут же подскочил к двери, чтобы закрыть её, но неожиданный толчок изменил направление моего движения. Не найдя опоры, почувствовал, что падаю навстречу мелькающей под ногами насыпи. Спас меня почти бессознательный выпад ногой вправо, благодаря чему я смог уцепиться за выступ доски. Переведя дух, я закрыл дверь.

Оправляться от испуга было некогда. Рысь-то осталась на свободе! Где она? Ах, вон где: возле обезьяньих клеток.

Моя кошка подскочила к клыкастому самцу гориллы. Тот высунул на миг руку, схватил её за шерсть на голове, вырвал клок и сейчас же спрятал руку за решётку. Ловко. Рысь опешила. Она совсем не ожидала такой встречи.

Я хватаю мешок и двигаюсь к рыси. План прост: накинуть беглянке на голову мешок и, ослеплённую, посадить на место.

Рысь, отскочив в сторону, весело смотрит на меня и поднимает лапу. Видно, решила, что начинается новая игра. Моё нападение она встречает ударом лапы по мешку и отскакивает в сторону. Нет, неравные мы партнёры. Моё проворство — черепашье по сравнению с кошачьим. И всё же я упрямо продолжаю охоту.

Снова и снова прыжки, броски. Напрасно! Никаких результатов.

Но вдруг неожиданно рысь прекращает игру. О, она увидела садок

с петухами! Я забыт. Теперь её внимание безраздельно принадлежит горластым птицам.

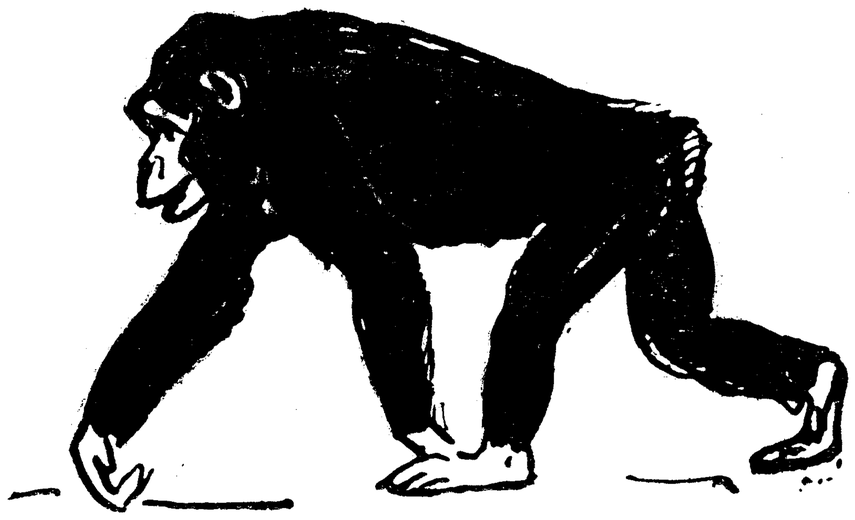
Вся сжавшись, кошка присела. Несколько прыжков, и она вскочила на сетку. Опрокинула садок на пол и вместе с ним полетела вниз. Деревянный запор открылся. Петухи, как шальные, стали выпрыгивать наружу. И тут рысь словно взбесилась. Она принялась гоняться за петухами.

В вагоне поднялась пурга из белого пуха и перьев. Ощипывая петухов, хищница работала с предельной нагрузкой. Грохот колёс, крики обезьян, вопли петухов слились в дикую какофонию.

Развязка наступила неожиданно. Один изворотливый петух, удиравший от рыси, прыгнул на кусок фанеры, прикрывавший бочку с водой. Разбойница последовала его примеру. Но петух успел спрыгнуть на пол, а рысь, упав всем телом на тонкую фанеру, продавила её и бултыхнулась в воду. Конечно, она тотчас попробовала выбраться, но лапы скользили по внутренней поверхности бочки, вода мешала прыгнуть. Кошка барахталась, когда я подбежал к ней и накинул на голову мешок. Потом натянул мешок поглубже на туловище, для надёжности ещё раз окунул рысь и вынул из бочки.

Мокрая пленница беспомощно трепыхалась в мешке, и я, не теряя времени, водворил её на место. Наконец-то!

Ну и денёк выдался!



БОБРЫ-ЦЕЛИННИКИ

Около стенок вагона клетки с пассажирами. Тут же их корм: тонкие осиновые стволы и ивовые ветки. Вдоль вагона оставлен коридор, чтобы легко было подходить к любой клетке. А в углу, над ворохом корма, почти у самого потолка — наша подвесная постель.

У меня и помощника Кузьмича отличное настроение. Ведь обычно мы возим зверей с воли в неволю, а сейчас — наоборот! В клетках — животные, которым уготована не пожизненная тюрьма, а скорее освобождение. Это бобры-переселенцы. Через несколько дней их выпустят на свободу, и примутся они строить свои лабиринты по новым берегам рек — начнут по-своему поднимать нетронутую лесную целину Сибири.

Всё хорошо, но одно непривычно: хочешь не хочешь, приходится подражать образу жизни сопровождаемых. Больше всего работы ночью: меняем воду в корытцах, готовим «обед», пилим осиновые чурки, рубим ветки. Воздух в вагоне насыщен ароматом осины.

Вот наступили сумерки. Бобры проснулись. Из клеток послышались всплески воды: зверьки купаются. Каждую ночь на них смотрим и удивляемся: до чего ж чистоплотные! То умываются, то полощутся, то прихорашиваются.

Успели проголодаться и уже скоблят деревянные чурки. Интересно: вместе с осиновыми чурками мы кладём в клетки морковь и белые сухари, но зверьки упорно предпочитают осиновую кору. Я даже попробовал — что за вкус? Разгрыз кусочек коры и выплюнул. Горечь нестерпимая!

А сегодня случилось происшествие — сбежали два бобра.

Под утро, окончив работу, легли мы с Кузьмичом отдохнуть. Я крепко уснул. Сквозь сон слышу, чуткий Кузьмич будит:

— Вставай, гляди, бобёр нам помогает!

— Как так помогает? — не пойму я.

— Да так, взгляни!

Вскочил, нагнулся. Вижу, под нашей постелью, где осины лежат, пушистый переселенец стволы перегрызает — заготовкой провианта занимается. На задних лапах приподнялся, широким хвостом упирается в пол, передние лапки положил на ствол, мордочку прижал к древесине. И спешит, грызёт, будто кто его торопит. Две чурки отгрыз, над третьей трудится. Молодец! Мы с Кузьмичом вдвоём пилим, а он один. Да как быстро — только щепки летят! Улизнул из клетки, надоело без дела по вагону слоняться, вот и нашёл занятие. Так увлёкся, даже не замечает, что мы на него сверху смотрим. Несколько минут — и третья чурка готова. Взял её в передние лапки, поднёс к двум заготовленным и положил возле них.

— Порядок любит,— шепчет мне Кузьмич.— Моего бы сынишку сюда, показал бы ему прилежание.

А бобр положил чурку, отдохнул да глазами шарит по штабелю: выбирает, какую б ещё осину перегрызть.

— Так и нам ничего не оставит,— тихонько говорит Кузьмич,— давай ловить.

Шёпотом договорились, что кому делать. Спустились вниз. Я взял корзину из-под моркови, Кузьмич — телогрейку — и в облаву. Зверёк от нас. Проскачет, остановится, оглянётся, послушает и снова наутёк. Кузьмич догнал его, только хотел телогрейкой накрыть, а бобр неожиданно перешёл в нападение. Остановился, резиновым мячом отскочил от пола да за руку хвать!

Кровь. Йод. Бинт. Ругань...

— Не ворчи, Кузьмич, — успокаиваю я,— удачно, что лишь прокусил на ладони кожу, ведь мог пальцы начисто отхватить. Резцы у бобров — как долота.

Теперь охочусь один. Преследую бобра по проходу вдоль клеток. И вдруг вижу ещё одного беглеца. За бочкой лежит и не шевелится. «Что с ним?» — думаю. Присматриваюсь: да он спит! Ну и хитрец. Как удобно

устроился: вагон качает, вода в бочке плещется, а на бобра брызги летят. Недолго думая, накрываю его корзиной и — в клетку.

Пока этого посадил, первый спрятался в ворохе веток. В самую середину влез. Но про хвост позабыл! Торчит хвост наружу. Тут я и этого поймал да в клетку, из которой сбежал.

...Дни пути пролетели быстро.

От станции выгрузки на телегах привезли мы клетки с бобрами к чудесной таёжной речке. Настал час выпуска зверьков-целинников на новые угодья.

Открыли дверцу и у клетки с двумя беглецами. Показалась голова первого бобра — того, что резал чурки. С опаской посмотрел он по сторонам и нехотя покинул убежище. Второй, даром, что «соня», вышел смелее.

По заливному лугу оба направились к речному берегу. Сначала не спеша шли, а потом быстрее и быстрее. Свободу почуяли! К воде спустились уже кубарем. И вот два чёрные бугорка плывут, рассекая воду, вверх по течению.

Прощайте, новосёлы!

27 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Анатолий Яковлевич Лебедев

ЗВЕРИ В ПУТИ (под редакцией Г. Анфилова)

Редактор *И. Мазнин* Художественный редактор *Ю. Поливанов*
Технический редактор *Т. Щептева* Корректоры *С. Бланкштейн* и *Н. Пьянкова*
Подп. к печати 13/II-67 г. Формат бумаги 60×90/8 Печ. л. 4 Уч.-изд. л. 3,15 Тираж 400 000
Изд. № 1600 Заказ 339
Издательство „МАЛЫШ" Комитета по печати при Совете Министров РСФСР
Москва, А-55, Бутырский вал, 68
Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по печати
Минск, Красная 23.